

ПРАВОИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПРАКТИКА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Василий Владиславович Трофимов, д-р юрид. наук, профессор,
НИИ государственно-правовых исследований, ФГБОУ ВО «Тамбовский
государственный университет имени Г.Р. Державина»;
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия; trofimov@tsutmb.ru

Сергей Юрьевич Вихляев, аспирант,
кафедра «Теория и история государства и права»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»,
Тамбов, Россия; serg-a171ou@mail.ru

Статья посвящена исследованию правоинтерпретационной практики как самостоятельного вида юридической практики, ее общих и специфических характеристик в контексте современной правовой системы. Основная тема – теоретическое осмысление правоинтерпретационной практики, ее места в системе юридической практики и роли в обеспечении правильного понимания и применения правовых норм.

Цель исследования – комплексно проанализировать правоинтерпретационную практику, выявить ее сущностные признаки, общие черты с юридической практикой в целом и специфические особенности, а также определить ее значение для развития правовой системы.

Основные результаты исследования: выявлены и систематизированы общие и особенные черты правоинтерпретационной практики; обоснована ключевая роль правоинтерпретации как начального этапа юридической деятельности; раскрыта познавательная природа правоинтерпретационной практики и ее значение для совершенствования правового регулирования; проанализирована роль накопленного опыта в развитии правоинтерпретационной деятельности.

Научная новизна статьи заключается: в комплексном подходе к исследованию правоинтерпретационной практики через призму ее двойственной природы (общей и особенной); анализе актуальных проблем правоинтерпретации в контексте отсутствия специальных законодательных положений о толковании норм права (в сравнении с законодательным опытом Республики Беларусь); демонстрации взаимосвязи между накоплением интерпретационного опыта и качественным развитием правоприменительной практики. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов для совершенствования правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности и повышения эффективности правового регулирования.

Ключевые слова: правоинтерпретационная практика; правоинтерпретационный опыт; правопонимание; правоприменение; толкование права; юридическая практика.

Введение

В условиях постоянного совершенствования законодательства и увеличения массива нормативных правовых актов особую значимость приобретает проблема правильного понимания и применения правовых норм, причем последнее нередко напрямую зависит от первого, так как не имея надлежащего понимания смысла нормативных правовых предписаний, очень сложно адекватно и верно с точки зрения требований законности принимать юридические решения, применяя правовые нормы в процессе правоприменительной деятельности. Данная проблема профессиональной интерпретации правовых норм решается в ходе как правоприменительной практики, так и непосредственно в сфере складывающейся фактически в эти же моменты времени правоинтерпретационной практики, осуществляемыми в каком-то смысле параллельно и синхронно в рамках современной правовой системы и позволяющими приходиться к правильным правовым решениям. Вместе с тем повсеместная точная интерпретация правовых норм все еще остается желаемой целью, к достижению которой содержатся отдельные преграды во многом внутри самой практики толкования (интерпретации) права, а также заключаются еще в недостаточной теоретической разработанности вопросов, связанных с правоинтерпретационной практикой как с самостоятельной разновидностью юридической практики. При этом нужно видеть и сложности, и вызовы современного контекста как с точки зрения государственно-правовой действительности в целом, так и с позиции науки права, что не может не находить отражение в теории правовой интерпретации и практики осуществления данного вида юридической деятельности. Постараемся по мере возможности актуализировать эту проблематику и рассмотреть ее именно с позиции *практики* правовой интерпретации, так как именно в практическом поле можно обнаружить все основные характеристики, свойства правового явления и понять его природу.

Большая советская энциклопедия дает следующее определение практике: «(греч. *praktike*, от *praktikos* – деятельный, активный) материальная, чувственно-предметная, целеполагающая деятельность человека, имеющая своим содержанием освоение и преобразование природных и социальных объектов и составляющая всеобщую основу, движущую силу развития человеческого общества и познания» [3, с. 494], и указывает, что «практика обосновывает объективность содержания знания, служит критерием, мерилom проверки истинности результатов познания» [3, с. 494].

Занимаясь практикой, человек не только осуществляет преобразование действительности, но и меняется сам по мере того, как происходит усвоение опыта, который в изобилии предоставляет практика. В этом процессе (в практике) достигается единство мышления и бытия. Практика актуализирует социальные и правовые потребности, позволяет в отношении тех или иных объектов окружающего мира сформировать интересы как осмысленные потребности и сформулировать целеполагание по реализации этих интересов. Многие науки возникли из практических потребностей, в том числе юриспруденция. Одновременно юридическая практика является средой осуществления права в жизни, а значит и средством про-

верки юридических знаний в нормах права, выраженных критерием истинности юридических норм и юридических теорий.

В этом смысле юридическая практика – это среда (форма) правоосуществления и инструмент преобразования социальной действительности посредством права, обеспечивающий реализацию правовых норм в конкретных жизненных ситуациях; адаптацию абстрактных предписаний к многообразию общественных отношений; накопление и передачу правового опыта между поколениями юристов и правоприменителей; обратную связь между правотворчеством и правоприменением (выявление пробелов, коллизий, неэффективных норм); развитие правовой системы через формирование устойчивых правил и прецедентов.

В связи с этим рассмотрение правоинтерпретационной практики, выявление ее роли в правовой жизни общества, проводимые через призму всей юридической практики, как ее особенной части, представляет определенный научный интерес. Существующие исследования в области интерпретации права, как представляются, делают акцент, прежде всего, на профессиональной логике интерпретации (толкования) права, но не в полной мере раскрывают специфику, особенности и механизмы функционирования данного феномена именно с точки зрения практики правоинтерпретационной деятельности. Поэтому имеется потребность комплексного исследования правоинтерпретационной практики как особого вида юридической практики, выявления ее общих черт с другими видами юридической практики и специфических характеристик. Осмысление правоинтерпретационной практики через изучение ее общих с юридической практикой черт и своих специфических отличий позволит глубже понять ее место и роль в общей структуре юридической практики, а также наметить дополнительные пути совершенствования правоприменительной, правоинтерпретационной деятельности и в целом механизма правового регулирования.

Основная часть

Свой взгляд на проблему значимости юридической практики ученые-правоведы начали отражать в своих работах очень давно. Еще в дореволюционное время Н. М. Коркунов рассматривал юридическую практику, под которой он подразумевал главным образом судебную практику как важный элемент правовой системы, тесно связанный с деятельностью судов и формированием права. Его взгляды отражены в работах, посвященных теории права, государству и судебной власти. Ученый придавал большое значение судебной практике как источнику права, особенно в контексте разрешения противоречий между законодательными актами. Он подчеркивал, что при наличии логических противоречий в законодательстве суд должен применять законы как единое целое, учитывая практику рассмотрения аналогичных дел другими судами. При этом выбор, который делает судебная практика при наличии противоречий, имеет творческий характер. Это не означает судейского произвола, а предполагает необходимость принятия решений в рамках существующего законодательства с учетом сложившейся практики. Н. М. Коркунов писал: «Одно из первых условий правосудия, это то, чтобы законы применялись ко всем

одинаково, а это невозможно без однообразной, устойчивой судебной практики. Суд поэтому всегда склонен поддерживать именно то начало, которое уже принято предшествующей практикой. Нужны весьма серьезные и веские основания, чтобы склонить суд к изменению установившейся в нем практики. Поэтому вероятнее всего то, что раз принятое судом начало будет поддерживаться им и в последующих решениях» [8, с. 183].

Можно сделать вывод, что суд не может игнорировать практику рассмотрения дел, так как учет опыта, полученного в этой практике, обеспечивает единообразие правоприменения и способствует формированию устойчивых правовых норм. Таким образом, судебная практика выступает не только как инструмент применения права, но и как фактор его развития. Н. М. Коркунов видел в судебной практике не только применение норм, но и активный процесс формирования права, где суд играет ключевую роль в адаптации абстрактных предписаний к конкретным жизненным ситуациям. Его идеи подчеркивают динамичный характер права, его связь с социальной реальностью и необходимость гибкого подхода к правоприменению.

В советское время очень основательно изучением юридической практики занимались С. С. Алексеев [1] и В. И. Леушин [9]. С. С. Алексеев в своей работе «Общая теория права» в главе 20 дает следующее определение юридической практике: «По основным своим характеристикам юридическая практика представляет собой объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов (судов, других органов применения права), складывающийся в результате применения права при решении юридических дел» [1, с. 340–341]. Как следует из определения, основной акцент при рассмотрении юридической практики С. С. Алексеев делает на судебную практику и на практическую деятельность других органов применения права, а также приходит к интересному выводу: «Воздействовать же на нормативную основу механизма правового регулирования практика может только опосредованным путем – через сферу правотворчества, через деятельность компетентных правотворческих органов. И подобное значение юридической практики при всей ее немалой роли объясняется как раз тем, что она относится не к правотворчеству, а к судебной, индивидуально-регулятивной деятельности, к применению права» [1, с. 346].

В. И. Леушин утверждал: «Категория юридической практики поможет с большей глубиной выявить закономерности и взаимосвязи в процессе функционирования всех элементов правовой системы советского общества. Анализ юридической практики – необходимое условие правильного решения правотворческих проблем, укрепления законности в процессе правоприменения и правореализации» [9, с. 20]. Юридическую практику В. И. Леушин рассматривал как сложное явление, включающее как деятельность субъектов права, так и накопленный социально-правовой опыт. Им было сформулировано следующее определение: «Юридическую практику можно определить как деятельность субъекта по принятию решений правового содержания» [9, с. 26].

Особый акцент в своей посвященной юридической практике работе [9] он делает на важность изучения юридической практики в контексте реальных социальных процессов, отмечая, что она отражает динамику

правоотношений и влияет на формирование правовых норм. Таким образом, В. И. Леушин видел в юридической практике не только деятельность по применению норм, но и активный процесс формирования права, где опыт и динамика деятельности взаимосвязаны и определяют развитие правовой системы.

В рамках постсоветской российской юриспруденции ученые-правоведы Н. И. Матузов и А. В. Малько определяют юридическую практику в следующем плане: «Под юридической практикой понимается деятельность компетентных органов и должностных лиц по изданию и применению норм права, а также уже накопленный и объективированный опыт такой деятельности. Юридическая практика формируется в результате длительного и многообразного процесса правореализации, то есть претворения права в жизнь. В ходе этого процесса вырабатываются определенные общие положения, тенденции, ориентиры, которые затем используются в последующей работе» [11, с. 174].

В. Н. Карташов дает следующее определение юридической практике: «это деятельность по изданию (толкованию, реализации, применению, систематизации и т. п.) юридических предписаний, взятая в единстве с накопленным правовым опытом (социально-правовой памятью)» [6, с. 122]. Данное определение показывает, помимо акцентов на синтезе юридической деятельности и юридического опыта, также видовой состав юридической практики, где одним из ее видов является юридическая деятельность по толкованию права, которая, учитывая изложенное общее понимание юридической практики, взятая в единстве с уже накопленным опытом по толкованию права, и составляет практику толкования права или правоинтерпретационную практику.

Правоинтерпретационная практика представляет собой сложное и комплексное явление. В. Н. Карташов имеет свой взгляд на интерпретационную практику: «Интерпретационная практика – это деятельность по установлению и разъяснению содержания и формы правового предписания, любого юридического явления, процесса и состояния, взятая в единстве с накопленным опытом юридического толкования» [6, с. 159].

Несмотря на то что правоинтерпретационная практика – самостоятельный вид юридической практики, она тесно связана с юридической практикой в целом и разделяет с ней ряд ключевых характеристик. Наряду с общими чертами с юридической практикой правоинтерпретационная практика имеет и свои особенные черты, связанные с ее специфическим характером. Рассмотрим *присущие правоинтерпретационной практике черты и характеристики*, которые являются как общими по отношению к юридической практике, так и особенными, свойственными, прежде всего, данному виду юридической практики.

Во-первых, правоинтерпретационная практика, будучи разновидностью юридической практики, также складывается на основе и в рамках реализации права (например, официальная практика правоприменительного толкования опосредуется нормами процессуального права, предоставляющими возможность того или иного усмотрения, например, судебного (судейского) усмотрения в уголовном, гражданском и административном процессе, в котором будут сочетаться в том числе возможности толковать конкретные нормы для их применения по конкретному делу), но и кроме

того, эта практика интерпретации является правовой постольку, поскольку предметом толкования выступают тексты правовых актов, массивы нормативных правовых предписаний, значение которых нужно установить, чтобы связать с фактическими обстоятельствами и вынести решение на основе критериев права и справедливости.

В свою очередь, практика правотворческого толкования строится на положениях законодательства, регламентирующего правотворческую деятельность. В частности, можно обратить внимание на опыт Республики Беларусь, где действует закон от 17 июля 2018 года № 130-З «О нормативно правовых актах». Данный закон содержит статью 69 «Официальное толкование нормативных правовых актов. Разъяснения применения нормативных правовых актов», в которой отражены определенные правила, регламентирующие процесс правотворческого толкования, являющиеся неким прообразом правил правоинтерпретации, которые задают определенные границы и рамки данного процесса.

В российской действительности такого «Закона о законах» пока нет, что не создает для официального правотворческого толкования прочных нормативных оснований, а, следовательно, и не позволяет определить параметры усмотрения в этом случае. Как справедливо замечает Ю. В. Оносов, «...представляется недостаточно исследованными проблемы усмотрения в правоинтерпретационной и правотворческой юридической практике, в частности не выработаны классификации, функции правового усмотрения, закономерности возникновения и изменения, особенности воздействия на юридическую практику» [12]. А. В. Малько и Е. М. Терехов указывают на важность установления границ и рамок, в которых должна происходить правоинтерпретационная деятельность: «Таким образом, правоинтерпретационная деятельность должна представлять собой систему работы субъектов, наделенных государственно-властными полномочиями, по определению смысла законодательства, функционирующую в конкретных границах, в рамках которой издаются акты толкования норм права, вызывающие правовые последствия у субъектов юридической деятельности» [10, с. 25].

Вышеизложенное позволяет констатировать, что легитимность и результативность обеих практик (юридической как общей формы и правоинтерпретационной как ее видовой формы) зависят от соответствия правовым предписаниям и нацелены на проработку правового материала, так как право является главным предметом юридической практики во всех ее проявлениях.

Во-вторых, общим критерием обеих практик является единая целевая направленность. Юридическая практика в целом направлена на регулирование общественных отношений посредством права: реализацию норм, защиту прав, обеспечение правопорядка. Правоинтерпретационная практика служит предварительным этапом для достижения этих целей – без уяснения смысла нормы невозможно ее корректное применение. Основной вывод: обе практики ориентированы на обеспечение действия права в социальной реальности и как следствие служат укреплению правовой системы государства. В. Н. Карташов в своей работе [7] делает похожие выводы: «Все разновидности позитивной юридической практики служат укреплению государственного и политического режима в стране». Или другое

высказывание: «Оптимальный уровень любой юридической практики – объективная предпосылка укрепления законности и правопорядка в обществе» [7, с. 39].

В-третьих, опыт является ключевым элементом как юридической практики, так и правоинтерпретационной практики. Он выступает основой для формирования знаний, навыков и подходов, которые определяют эффективность правоприменения и толкования норм права. Выше было дано определение юридической практики В. Н. Карташова [6, с. 122], где он справедливо указывает на наличие опыта, получаемого в ходе практической деятельности. В. И. Леушин также в своем определении отмечает: «Таким образом, юридическая практика представляет собой единство юридической деятельности и объективированного опыта этой деятельности» [9, с. 31]. Разумно предположить, что у каждого вида юридической практики имеется и свой особенный видовой опыт.

Рассмотрим, как опыт проявляется в этих двух сферах – в юридической и правоинтерпретационной практиках. Юридическая практика включает в себя деятельность субъектов права (органов власти, должностных лиц, участников правоотношений) и накопленный в процессе деятельности этих субъектов социально-правовой опыт. Последний представляет собой коллективные знания, сформированные в ходе практической социально-юридической деятельности, которые сохраняются в правовых нормах и актах и используются для регулирования общественных отношений. Роль опыта в юридической практике – основа для принятия решений. Накопленный опыт позволяет субъектам практики ориентироваться в правовых ситуациях, выбирать оптимальные способы действий и прогнозировать результаты.

Опыт может выступать и как сигнал для законодателя. Тогда с помощью него выявляются неэффективные нормы, противоречия в правовом регулировании и потребности в совершенствовании законодательства. Будучи элементом правовой культуры и правосознания, он способствует формированию устойчивых правовых установок и влияет на восприятие права как системы.

Правоинтерпретационная практика – это деятельность уполномоченных субъектов по установлению и разъяснению правовых предписаний, которая также опирается на накопленный опыт. Ее результатом являются интерпретационные акты, формирующие устойчивые подходы к толкованию норм права. Роль опыта в правоинтерпретационной практике – формирование устойчивых правовых позиций. Интерпретационная практика аккумулирует знания о том, как толковать нормы в конкретных ситуациях, что обеспечивает единообразие понимания права и правоприменения. В. Н. Карташов, соглашаясь с мнением А. Ф. Черданцева [14] и Т. Я. Хабриевой, делает вывод: «Правильное понимание права имеет в своей основе опыт прошлого толкования интерпретатора и опыт толкования других субъектов» [6, с. 160].

Как инструмент по преодолению противоречий опыт помогает разрешать коллизии в толковании, хотя иногда может приводить к противоречивой практике (например, разные решения судов по аналогичным делам). Опыт оказывает существенное воздействие на развитие правовой системы. Анализ правоинтерпретационной практики позволяет выявлять тенденции,

оценивать эффективность нормативного регулирования и корректировать правотворческую и правоприменительную деятельность.

Общими чертами опыта в обеих практиках являются: коллективный характер, где опыт формируется в результате совместной деятельности субъектов права и отражает обобщенные знания, а не индивидуальные представления; накопление и передача знаний, где юридический и интерпретационный опыт сохраняется в правовых нормах, актах, судебных решениях, доктринальных источниках и передается между поколениями юристов; влияние на правоприменение, где опыт определяет, как нормы права реализуются на практике и влияют на формирование правовых установок у субъектов правоотношений.

Еще одним общим свойством опыта для юридической и правоинтерпретационной практики является его не только статичность, но и заметная динамичность. Опыт, сохраняя в себе наиболее существенное и существенное, постоянно обновляется в связи с изменениями в законодательстве, под воздействием социальной действительности и судебной практики.

Таким образом, опыт является связующим звеном между теорией и практикой в юриспруденции. Он обеспечивает преемственность правовых знаний, способствует развитию правовой системы и повышает эффективность правоприменения. В юридической практике опыт отражает динамику правоотношений, а в правоинтерпретационной – формирует устойчивые подходы к толкованию норм права.

В-четвертых, юридическая практика и правоинтерпретационная практика, как ее отдельный вид, являются разновидностями социально-исторической практики. В. Н. Карташов прямо указывает: «К основным признакам юридической практики необходимо отнести следующие. 1. Она представляет собой разновидность социально-исторической практики» [6, с. 122].

Социально-исторический контекст является важным фактором, влияющим на юридическую и правоинтерпретационную практику. Он определяет их развитие, формирование и применение в конкретных социально-исторических условиях, где социально-исторические условия – это совокупность всех внешних обстоятельств (социальных, экономических, политических, культурных), которые влияют на развитие общества, личности или конкретного события в определенный исторический период.

Социально-исторический контекст юридической практики включает: воздействие исторических событий и традиций, где юридическая практика в процессе своей реализации находится под влиянием исторических процессов, таких как революции, войны, реформы, эволюция правовых норм и институтов, где юридическая практика отражает изменения в общественных ценностях и социальных отношениях. Например, борьба за гражданские права и равенство полов привела к изменениям в законах и судебной практике.

Если рассматривать роль правосознания и культурных особенностей в социально-историческом контексте, то восприятие права в обществе и его соответствие коллективным представлениям и ценностям влияют на юридическую практику. Право для Н. М. Коркунова, например, рассматривалось как продукт коллективно-психической деятельности людей: «Так как право есть явление не материальной, внешней природы, а продукт духовной деятельности человека, оно издавна относилось к предме-

там философского исследования <...> Положительное право как продукт, коллективного векового опыта <...> Таким образом, право не есть нечто извне налагаемое на людей, а есть продукт сознания людей, соединившихся в общении, так что право требует людского общения и обнимает лишь тех людей и те стороны человеческих интересов, стремлений, какие составляют содержание общений...» [6, с. 19, 277, 280].

При адаптации к социально-экономическим условиям юридическая практика должна учитывать текущие экономические и политические реалии. Например, реформы в России последних лет направлены на формирование эффективной правовой системы, что требует учета актуальных социальных потребностей, технико-юридических недостатков нормативных актов, и т. п.

Правоинтерпретационная практика, являясь одним из видов юридической практики, также подвержена влиянию социально-исторического процесса. Ее социально-исторический контекст проявляется в следующих аспектах: норма права должна интерпретироваться с учетом исторических, социальных, экономических и культурных изменений, произошедших со времени ее принятия. Например, Конституционный Суд РФ при рассмотрении дел учитывает исторический контекст, как это было в случае с толкованием договора о присоединении Крыма к России, что нашло свое отражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 19.03.2014 № 6-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов».

Влияние социально-экономических условий на толкование – изменения в обществе требуют адаптации правовых норм. Изучение истории правовых норм и предыдущих судебных решений помогает понять их истинный смысл и цель, заложенные законодателем. Это особенно важно при разрешении противоречий в законодательстве.

Таким образом, оба вида практики – юридическая и правоинтерпретационная – тесно связаны с социально-историческим контекстом, так как отражают динамику общественных отношений. И юридическая, и правоинтерпретационная практики эволюционируют под влиянием исторических, социальных, экономических и политических изменений. Учитывают исторический опыт. Анализ прошлых судебных решений, законодательных актов и социальных процессов необходим для правильного понимания и применения права. Юридическая и правоинтерпретационная практики формируются под воздействием культурных и ценностных установок социума. Правосознание общества, его традиции и менталитет влияют на то, как реализуются и толкуются правовые нормы. Реагируя на актуальные вызовы, юридическая и правоинтерпретационная практики адаптируются к новым условиям, например, глобализации, технологическому прогрессу или социальным движениям. Таким образом, социально-исторический контекст выступает фундаментом, который определяет развитие и функционирование как юридической, так и правоинтерпретационной практики, обеспечивая их связь с реальностью.

В-пятых, правоинтерпретационная практика, реализуясь в своей деятельности как процесс познания, является инструментом получения новых

знаний. Это является ее особой чертой, которая отличает правовую интерпретацию от других видов практик. Это было справедливо отмечено А. Ф. Черданцевым в своей работе [14, с. 56] и В. И. Леушиным: «Толкование, практическое по своей природе, рассматривается всеми исследователями как процесс познания» [9, с. 99–100]. Это так, поскольку норму права нельзя исследовать какими-то механическими инструментами, ее нельзя измерить, нельзя взвесить, нельзя потрогать руками. Правовая норма по сути своей является неким абстрактным правилом того, как надлежит действовать в конкретной ситуации, поэтому она сама может быть лишь объектом абстрактного познания.

В. И. Леушин утверждал: «Практика представляет собой целесообразную, результативную деятельность» [9, с. 29], применительно к правоинтерпретационной практике основной целью является раскрытие истинного смысла правовых норм, которая для их эффективного применения в юридической деятельности достигается с нескольких направлений. В гносеологическом направлении происходит получение новых знаний о правовой действительности, понимание сути правовых явлений, выявление скрытых смыслов правовых норм. В прагматическом понимании правоинтерпретационная практика направлена на практическое применение правовых норм, решение конкретных правовых задач, достижение социально значимых результатов.

Правоинтерпретационная практика одним из следствий своей практической познавательной деятельности имеет функцию улучшать и доводить до совершенства правовые нормы. По этому поводу А. С. Пиголкин высказался следующим образом: «Чем более совершенны нормативные акты с технической точки зрения, тем меньше в них неточностей, неясностей, упущений и ошибок. Однако вероятность технического несовершенства текста актов все же имеется. В подобных случаях и может возникнуть несоответствие, некоторый разрыв между тем, что действительно хотел выразить законодатель, и самим выражением, расхождением текста и действительного смысла нормы. Распространительное и ограничительное толкование в таких случаях приводит в соответствие содержание, идею правовой нормы и ее форму изложения, позволяет ликвидировать недостатки оформления и объяснить подлинный смысл нормы» [13, с. 489].

В-шестых, правоинтерпретационная практика – это не просто познание, а комплексный познавательный процесс, интегрирующий разнородные типы знаний и методы толкования. А. Ф. Черданцев в своей работе в параграфе под названием «Толкование – опосредованное познание» четко указывает, что данное познание опирается на комплекс определенных знаний: «Таким образом, в ходе толкования используются следующие знания, через посредство которых интерпретатор постигает действительное содержание норм права: знание языка, на котором сформулирована норма права; знание о системе права, связях интерпретируемой нормы с другими нормами; знания о генетических связях (истоках) нормы права; знания об условиях, обстоятельствах реализации норм права, их связях в процессе функционирования с другими социальными явлениями» [14, с. 91].

Аналогичной позиции придерживается О. М. Беляева: «В толковании соединяются вместе, сходятся в едином фокусе и утонченные юридические знания, и правовая культура, и юридическое искусство» [2, с. 39].

Е. В. Васьковский выделял две стадии толкования, каждая из которых включает в себя комплекс разнородных знаний и методов: «Толкование распадается на две стадии, сообразно с теми средствами, которые ведут к познанию смысла норм... Словесное толкование обыкновенно именуется грамматическим, а реальное – логическим. Но употребляются и другие названия: для словесного – филологическое, буквальное, а для логического – диалектическое, философское, историческое, научно-юридическое, телеологическое, идеологическое. Наиболее подходящими представляются термины “словесное” и “реальное”, так как ими с полной точностью характеризуется сущность обоих процессов толкования, из которых один определяет словесный смысл закона, а другой – действительный, реальный» [5, с. 30–31].

В. Н. Карташов указывает четыре способа толкования: грамматическое, логическое, систематическое и историческое [6, с. 165], где при описании способов и методов грамматического толкования дает ссылку на то, что данный вид толкования прямо опирается на методы и правила, которые разработаны современным языкознанием. Данные выводы В. Н. Карташова согласуются с вышеприведенными выводами Е. В. Васьковского о том, что грамматическое толкование является по сути толкованием филологическим, то есть оно опирается на филологию как совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве. Лингвистика является частью филологии и направлено на изучение структуры языка, его истории, развития и функционирования. Без лингвистической компетенции невозможно адекватно уяснить буквальный смысл нормы, который является первым этапом любой интерпретации. А. Ф. Черданцев справедливо выделяет и другие грани комплексного процесса познания: «Толкование – процесс, подчиненный законам логики... Толкование – диалектический процесс познания... Толкование субъективный процесс познания» [14, с. 91, 95, 101].

Лингвистический контекст, безусловно, должен дополняться знаниями исторического контекста, социокультурного контекста, сравнительно-правового контекста и иных аспектов функционирующей материи права, так как только комплекс знаний о бытии конкретной нормы права может позволить интерпретировать ее истинный смысл и предназначение.

Из вышеприведенных аргументов можно сделать вывод: правоинтерпретационная практика как процесс познания – это не линейное, а многомерное осмысление правовой реальности. Только синтез различных типов знаний позволяет достичь истинного смысла нормы – не как абстрактной догмы, а как действующего регулятора общественных отношений. Именно в этом единстве разнородных знаний заключается специфика правоинтерпретационной практики как особого вида юридической деятельности.

В-седьмых, правоинтерпретационная практика использует особый методологический принцип – герменевтический круг.

Интерпретатор движется от целого к частям и от частей к целому, постоянно уточняя смысл. Понимание и объяснение взаимно предполагают друг друга: чтобы понять, надо объяснить, но чтобы объяснить, необходимо понять. Этот циклический характер специфичен именно для интерпретационной деятельности. Ю. П. Боруленков утверждает: «Центральным методологическим принципом интерпретации является герменевтический

круг – основное методологическое понятие герменевтики, суть которого заключается в том, что, *во-первых*, интерпретатор всегда должен иметь в виду взаимосвязь целого и частей, когда целое познается через его части и наоборот. *Во-вторых*, идея герменевтического круга связывает воедино процессы понимания и объяснения: чтобы понять, необходимо объяснить, но чтобы объяснить, нужно понять. Важное значение придается идее понимания и объяснения как реконструктивного процесса, в ходе которого для правильного уяснения смысла и значения текста интерпретатор реконструирует его и логически преобразует. Объяснение и понимание с необходимостью предполагают друг друга, условием их продуктивности являются общие теоретические, логико-методологические, фактуальные и аксиологические предпосылки. Интерпретация является эвристическим действием, связывающим теорию и практику воедино» [4, с. 57].

В-восьмых, особой чертой правоинтерпретационной практики является связь с доказыванием и юридической аргументацией. Ю. П. Боруленков описывает это следующим образом: «Формализация в праве сама по себе еще не обеспечивает действительного равенства всех перед законом. Только состязательность, возможность интерпретационной инициативы делает это равенство реальным. Большинство споров о праве связано с разными интерпретациями одних и тех же фактических обстоятельств и юридических норм. Интерпретация – это процесс, продолжающийся в течение определенного периода времени. Подобно тому, как мозаика состоит из разных маленьких камешков, интерпретация собирает вместе отдельные неполные интерпретации, которые вращаются вокруг доказательственного комплекса. Даже после того, как интерпретатор придет к пониманию механизма доказывания, отдельные компоненты интерпретации все еще корректируются материалом, который предлагается участниками процесса. Субъект должен выбирать направление интерпретации каждый момент и решать вопросы корректировки юридической позиции. Только та интерпретация, которую суд сможет принять, будет правильной» [3, с. 59]. Таким образом, интерпретация права опирается на доказательственную аргументацию в процессе принятия решения, сначала толкуются факты (фабула дела), затем сопоставляются с нормами права и выбираются на основе аргументов наиболее верные соответствия между фактами и нормами.

Доказывание выступает как «интерпретация в действии», сначала стороны предлагают свои версии (то есть предоставляют суду различные интерпретации одних и тех же явлений, событий, фактов и т. д.), суд выбирает наиболее убедительную версию интерпретации. В общей юридической практике доказывание – лишь один из элементов, тогда как для интерпретационной практики оно во многом ключевое.

Вышеперечисленные общие признаки правоинтерпретационной практики позволяют установить ее принадлежность к общему роду практики юридической, а особые признаки правоинтерпретационной практики позволяют отличать ее от иных форм юридической практики (правотворческой, правоприменительной, правосистематизирующей), где интерпретация играет вспомогательную, а не определяющую роль.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщающие выводы: правоинтерпретационная практика – это часть юридической практики, с единой целевой направленностью осуществляемой деятельности, включающая в себя опору на правовые основы, на социально-исторический опыт, являющаяся эвристическим действием, связывающим теорию и практику воедино, проявляющая себя в виде комплексного познавательного процесса, имеющего циклический характер своей реализации.

Сущность правоинтерпретационной практики заключается в том, что она представляет собой особый вид юридической практики, направленный на установление точного смысла правовых норм и их правильное применение. Правоинтерпретационная практика является неотъемлемой и важнейшей частью юридической практики, обладающей как общими чертами с ней, так и своими специфическими особенностями. Ее развитие способствует совершенствованию правового регулирования, обеспечению единства правоприменительной практики и повышению эффективности правового воздействия на общественные отношения. Результаты исследования подтверждают, что правоинтерпретационная практика выступает не только как форма реализации права, но и как механизм развития правовой системы в целом, обеспечивая правильное понимание и применение правовых норм в конкретных ситуациях.

Список литературы

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. – Т. 1. / С. С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1981. – 360 с.
2. Беляева, О. М. Толкование норм права / О. М. Беляева // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2007. – Т. 149, кн. 6. – С. 39–47.
3. Большая советская энциклопедия : в 30 томах / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва : Советская энциклопедия, 1975. – Т. 20. – 608 с.
4. Боруленков, Ю. П. Интерпретация как элемент технологии юридического познания / Ю. П. Боруленков // Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 1. – С. 56–61.
5. Васьковский, Е. В. Руководство к толкованию и применению законов / Е. В. Васьковский. – Издание Бр. Башмаковых, 1913. – 152 с.
6. Карташов, В. Н. Теория правовой системы общества : учебник для вузов / В. Н. Карташов. – Москва : Юрайт, 2025. – 283 с.
7. Карташов, В. Н. Концепция юридической практики, сформулированная С. С. Алексеевым, ее интерпретация отечественными и зарубежными авторами / В. Н. Карташов // European and Asian Law Review. – 2024. Т. 7, № 3. – С. 36–47.
8. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – Изд. 8-е (без измен.). – Санкт-Петербург : [Н. К. Мартынов], 1909. – 354 с.
9. Леушин, В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений / В. И. Леушин. – Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1987. – 152 с.
10. Малько, А. В. Оптимизация правоинтерпретационной деятельности как фактор развития правовой системы общества / А. В. Малько, Е. М. Терехов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 2(54). – С. 22–32.
11. Матузов, Н. И. Теория государства и права: учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва : Юристъ, 2004. – 245 с.

12. Оносов, Ю. В. К вопросу о понятии усмотрения в праве / Ю. В. Оносов // Право и политика. – 2019. – № 10. – С. 32–39. doi: 10.7256/24540706.2019.10.30964 – URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30964 (дата обращения: 06.05.2026).

13. Пиголкин, А. С. Теория государства и права : учебник / А. С. Пиголкин. – Москва : Юрайт, 2006. – 613 с.

14. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора : учебное пособие для вузов / А. Ф. Черданцев. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.

References

1. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava: v 2 tomah, Tom 1* [General Theory of Law: in 2 vols, vol. 1], Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1981, 360 p. (In Russ.)

2. Belyaeva O.M. [Interpretation of Legal Norms], *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Kazan State University], 2007, vol. 149, book 6, pp. 39-47. (In Russ., abstract in Eng.)

3. *Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya: [v 30 t.]* [Great Soviet Encyclopedia: [in 30 vols.]], Moscow: Soviet Encyclopedia, 1975, vol. 20, 608 p. (In Russ.)

4. Borulenkov Yu.P. [Interpretation as an Element of Legal Cognition Technology], *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2013, no. 1, pp. 56-61. (In Russ., abstract in Eng.)

5. Vaskovsky E.V. *Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakonov* [Guide to the Interpretation and Application of Laws], Published by Br. Bashmakov, 1913, 152 p. (In Russ.)

6. Kartashov V.N. *Teoriya pravovoj sistemy obshchestva: uchebnik dlya vuzov* [Theory of the Legal System of Society: Textbook for Universities], Moscow: Yurayt, 2025, 283 p. (In Russ.)

7. Kartashov V.N. [The concept of legal practice formulated by S.S. Alekseev, its interpretation by domestic and foreign authors], *European and Asian Law Review*, 2024, vol.7, no. 3, pp. 36-47. (In Russ., abstract in Eng.)

8. Korkunov N.M. *Lekcii po obšej teorii prava* [Lectures on the general theory of law], St.-Petersburg: [N.K. Martynov], 1909. – 354 p. (In Russ.)

9. Leushin V.I. *Yuridicheskaya praktika v sisteme socialisticheskikh obshchestvennyh otnoshenij* [Legal Practice in the System of Socialist Relations], Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Publishing House. University of Kazan, 1987, 152 p. (In Russ.)

10. Malko A.V., Terekhov E.M. [Optimization of legal interpretative activity as a factor of development of the legal society], *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki* [Izvestiya of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences], 2020, no. 2(54), pp. 22-32. (In Russ., abstract in Eng.)

11. Matuzov N.I., Malko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: Textbook], Moscow: Yurist, 2004, 245 p. (In Russ.)

12. Onosov Yu.V. [On the Concept of Discretion in Law], *Pravo i politika* [Law and Politics], 2019, no. 10, pp. 32-39. doi: 10.7256/24540706.2019.10.30964, available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30964 (accessed 06 May 2026). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Pigolkin A.S. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law: Textbook], Moscow: Yurayt, 2006, 613 p. (In Russ.)

14. Cherdantsev A.F. *Tolkovanie prava i dogovora: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Interpretation of Law and Contract: Textbook for Higher Education Institutions], Moscow: UNITY-DANA, 2003, 381 p. (In Russ.)

Legal Interpretation Practice as a Type of Legal Practice: the General and the Specific

V. V. Trofimov, *D. Sci. (Law), Professor, Research Institute of State and Legal Studies, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; Department of Theory and History of State and Law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia; iptgutv@mail.ru*

S. Yu. Vikhlyayev, *Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, Tambov State Technical University, Tambov, Russia; serg-a171ou@mail.ru*

The article is devoted to the study of legal interpretation practice as an independent type of legal practice, its general and specific characteristics within the context of the modern legal system. The main theme is the theoretical conceptualization of legal interpretation practice, its place in the system of legal practice, and its role in ensuring the correct understanding and application of legal norms.

The aim of the study is to comprehensively analyze legal interpretation practice, identify its essential features, common traits with legal practice in general and specific peculiarities, as well as determine its significance for the development of the legal system.

The main research results include the identification and systematization of general and specific features of legal interpretation practice; the justification of the key role of legal interpretation as the initial stage of legal activity; the disclosure of the cognitive nature of legal interpretation practice and its significance for improving legal regulation; and the analysis of the role of accumulated experience in the development of legal interpretation activity.

The scientific novelty of the article lies in the following: a comprehensive approach to the study of legal interpretation practice through the prism of its dual nature (general and specific); an analysis of current problems of legal interpretation in the context of the absence of special legislative provisions on the interpretation of legal norms (in comparison with the legislative experience of the Republic of Belarus); and a demonstration of the relationship between the accumulation of interpretive experience and the qualitative development of law enforcement practice. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results to improve law enforcement and legal interpretation activities and enhance the effectiveness of legal regulation.

Keywords: legal interpretation practice; legal interpretation experience; legal understanding; law enforcement; legal interpretation; legal practice.

© В. В. Трофимов, 2026

© С. Ю. Вихляев, 2026

Статья поступила в редакцию 14.01.2026

При цитировании использовать:

Трофимов В. В., Вихляев С. Ю. Правоинтерпретационная практика как разновидность юридической практики: общее и особенное // *Право: история и современность.* – 2026. – Т. 10, № 2. – С. 170 – 184. doi: 10.17277/pravo.2026.02.pp.170-184